

Дуань Цунчжи и сам понимал: винить Цинь Кэ глупо. Сердцу ведь не прикажешь. Он не был настолько самонадеянным, чтобы требовать взаимности лишь потому, что сам безумно любил его. И всё же в глубине души до сих пор щемило от горькой обиды.

Он тихо вздохнул. Не судьба ему стать главным героем этой истории — не суждено было растопить ледяную глыбу по имени Цинь Кэ. В конце концов, когда лишаешься жизни, глупо сокрушаться о безответных чувствах. Пора было посмотреть правде в глаза.

Подавленный и опустошённый, он дочитал книгу. Стоило закрыть её, как весь мир вокруг Дуань Цунчжи свернулся, точно прочитанная страница, и он провалился в непроглядную тьму.

То была абсолютная, первозданная пустота. Она казалась безграничной и одновременно удушающе тесной. Все чувства отказали: он больше не ощущал собственного тела, а мысли текли медленно, вязко, замирая в ледяном оцепенении.

Время потеряло смысл. Миновала вечность или пронеслось лишь краткое мгновение? Внезапно сквозь пелену небытия пробился залиvistый, радостный лай.

— Таньюань! — вскрикнул Дуань Цунчжи и тут же очнулся от собственного голоса.

Он резко открыл глаза. Перед мысленным взором всё ещё кружили тёмные вихри, но спустя пару секунд взгляд сфокусировался, возвращая очертания реальности.

Над головой белел потолок. Роскошный, изысканно отделанный потолок.

Дуань Цунчжи потёр ноющий висок. Какая уж тут роскошь — этот потолок он видел каждое божье утро с двенадцати лет.

Это была его собственная спальня.

Он сел на постели, недоверчиво огляделся, затем поднялся и раздвинул тяжёлые портьеры. Внизу, на изумрудной лужайке, весело носился и кувыркался белоснежный самоед Таньюань.

Это определённо было поместье Цинь. Однако воспоминания о собственной гибели всё ещё стояли перед глазами во всех леденящих душу подробностях. В груди поднялось глухое замешательство. Что вообще происходит?

В дверь спальни деликатно постучали трижды. Дуань Цунчжи подошёл и потянул ручку на себя. За порогом стоял старый дворецкий Ин. Лицо его, как всегда, лучилось мягкой доброжелательностью.

— Молодой господин, завтрак подан.

Дуань Цунчжи молча кивнул и ушёл в ванную приводить себя в порядок. Когда он закончил и вышел, дворецкий Ин преданно ждал у двери. Почтительно склонив голову, старик повёл его вниз по широкой лестнице.

Дядя Ин заведовал всем хозяйством в поместье Цинь и практически вырастил Цунчжи. Но за исключением первых дней, когда мальчик только-только переступил порог этого дома, дворецкий никогда лично не будил его по утрам.

Всё-таки он управляющий огромного поместья, и на его плечах лежал контроль за каждой мелочью. Если уж дядя Ин поднимался к нему лично — на то всегда имелась веская причина.

— Вчера лёг слишком поздно, — как бы невзначай обронил Дуань Цунчжи, — голова раскалывается.

Услышав это, дядя Ин обернулся. На его лице отразилось искреннее беспокойство:

— Молодой господин вчера знатно пригубил. Может, стоит пригласить доктора Фана, чтобы осмотрел вас?

«Значит, вчера я пил. Причём много».

Должно быть, состоялся праздничный банкет или деловой ужин. Поводов, способных заставить его прикоснуться к спиртному, было раз-два и обчёлся, так что первый вариант казался наиболее вероятным.

— Не нужно, — покачал головой Дуань Цунчжи.

Главный особняк поместья Цинь поражал масштабами, но внутренняя планировка была продумана до мелочей. Комната Дуань Цунчжи располагалась в центральном крыле, так что путь до столовой занял всего пару минут.

Застыв шагах в десяти от обеденного стола, он замер как вкопанный.

Он и подумать не мог, что когда-нибудь снова увидит Цинь Кэ. Вот так — лицом к лицу, живым.

Сидевший за столом мужчина, словно почувствовав чужое присутствие, поднял голову. Дуань Цунчжи не успел отвести взгляд и столкнулся с ним глазами. На миг его охватила паника — он не успел скрыть бушевавшие в душе чувства. Поспешно отвернувшись, Цунчжи заставил себя успокоиться, а когда решился посмотреть снова, Цинь Кэ уже углубился в чтение документов.

Дуань Цунчжи взял себя в руки и ровным шагом направился к столу.

Цинь Кэ часто просматривал бумаги во время завтрака или в машине. Обычно это не были строго конфиденциальные отчёты — хотя, с какой стороны посмотреть: на эти листы стекалась детальная информация, собранная его подчинёнными обо всех и вся.

Большинство дельцов, пытавшихся разыгрывать перед Цинь Кэ благообразные комедии, даже не подозревали, что их подноготная уже давно изучена до последнего тёмного пятнышка.

Для Дуань Цунчжи это зрелище было привычным. Он занял своё законное место по правую руку от хозяина дома. Завтракали они почти всегда вдвоём: Цинь Кэ во главе стола, Цунчжи — рядом.

Однако сегодня бумаги в руках Цинь Кэ выглядели как-то иначе. Дуань Цунчжи скользнул по ним взглядом и удивлённо приподнял брови. Похоже, это был фотоальбом.

В памяти невольно всплыли строки из той нелепой книги, где упоминался снимок в кабинете Цинь Кэ. Но сейчас, когда всё происходит наяву, чьими же портретами любитесь этот невозмутимый человек?

Служанки подали завтрак. Дуань Цунчжи палочками подцепил исходящий паром баоцзы с крабовой икрой, но блюдо внезапно показалось ему невыносимо кислым. Не удержавшись, он с лёгкой издевкой протянул:

— И чьим же светлым ликом любитесь Третий господин? Неужто какого-то усопшего друга?

Слово «усопший» он выделил интонацией, добавив в голос изрядную долю яда.

Цинь Кэ лениво приподнял веки и, не говоря ни слова, просто протянул альбом ему.

Дуань Цунчжи уже открыл было рот, собираясь спросить, зачем ему это, но осёкся, едва бросив взгляд на страницу. С глянцевої бумаги на него смотрело его собственное лицо.

Дуань Цунчжи потерял дар речи.

Снимок на открытом развороте показался ему до боли знакомым. Именно эта фотография в его прошлой жизни стояла в траурной рамке на поминальном алтаре. Только сейчас кадр был цветным и ярким. Его сделали вчера, в день его двадцатилетия.

Если догадка верна, именно этот снимок тогда заметил Вэй Чжичжи в кабинете.

Что ж, определение «усопший друг» подошло как нельзя кстати.

Отдав альбом, Цинь Кэ вернулся к бумагам, которые принёс личный помощник.

С того места, где сидел Дуань Цунчжи, отлично просматривался штамп с датой на первой странице папки: **[08.07.2020]**.

Сегодня восьмое июля. Вчера отгремел его двадцатый день рождения. Снимок сделали вчера, а уже сегодня утром аккуратно подшили в архив и положили на стол главе семьи.

Двадцать лет — важный юбилей, рубеж совершеннолетия. Накануне поместье Цинь устроило в его честь роскошный приём. Пусть торжество и уступало по масштабам личным празднествам самого Цинь Кэ, но Дуань Цунчжи стал первым чужаком, удостоившимся чести принимать гостей в этих стенах. Неудивительно, что вчерашние визитёры смотрели на него с заискивающим почтением.

Дуань Цунчжи лениво пошевелил ложкой в тарелке с золотистой пшённой кашей, пряча за полуопущенными ресницами горькую усмешку. В своей прошлой жизни он умудрился здесь даже собственные похороны справить, так стоит ли удивляться какому-то банкету?

Но какой во всём этом толк?

Цинь Кэ всё равно указал ему на дверь.

Для самого Цунчжи события вчерашнего вечера остались в двухлетней давности. Кое-какие мелкие детали стёрлись из памяти, но то удушающее чувство стыда и неловкости, когда он, набравшись храбрости, получил ледяной отказ, казалось, навечно въелось в душу. Даже сейчас при одном воспоминании хотелось зажмуриться и сгореть со стыда.

Вчера, изрядно захмелев, он пришёл в спальню к Цинь Кэ. То не было признанием в любви в привычном понимании — скорее, отчаянная попытка предложить себя в качестве любовника. Взрослые люди, к чему лишние слова?

Зачем покойный старый господин Цинь в своё время пригрел его и приставил к третьему сыну — все в высшем обществе прекрасно понимали без лишних намёков.

Сам Дуань Цунчжи тоже не противился такой судьбе. Цинь Кэ всегда относился к нему хорошо, да и скрывать глупо — парень был без ума от этого мужчины. Он и сам не помнил, когда именно уважение переросло в слепое обожание, но чувства были настоящими.

Он прекрасно понимал, что Цинь Кэ не испытывает к нему ответной страсти, но его это мало заботило. То, что для сурового Третьего господина он занимал особое положение, оставалось неоспоримым фактом.

В ту пору наивный Цунчжи полагал, будто это ледяное сердце вообще не способно познать

любовь. А раз так, то даже крупницы его исключительного расположения было достаточно, чтобы без раздумий отдать себя без остатка.

Но Цинь Кэ оттолкнул его.

Дуань Цунчжи смутно припоминал, что в прошлой жизни в это самое утро дядя Ин точно так же приходил будить его.

Вот только тогда он не нашёл в себе сил спуститься. Какое-никакое самолюбие у него всё же имелось: получить ночью столь недвусмысленный отворот-поворот, а наутро как ни в чём не бывало заглядывать мужчине в глаза — на такую наглость он тогда не решился.

Как он тогда справился с позором и взял себя в руки, Цунчжи уже позабыл. Но сейчас он испытывал к Цинь Кэ лишь искреннюю признательность за то, что тот не принял его жертву.

Связываться с кем-то вроде Цинь Кэ можно из-за его безграничной власти, баснословных денег или безупречной внешности. Но только не по любви. Чувства к такому человеку, обречённые оставаться безответными, подобны зловонной трясине, полной одиночества и отчаяния: чем сильнее бьёшься, тем глубже затягивает болотная жижа.

Завтрак, по обыкновению, завершался стаканом парного молока. Дуань Цунчжи тоскливо уставился на белую жидкость. Это молоко каждое утро доставляли самолётом прямиком с элитного пастбища. Он пил его с двенадцати до двадцати лет, увидел на столе сегодня, на следующий день после юбилея, и, видит бог, продолжал давиться им вплоть до самой смерти в двадцать два года.

Раньше это казалось незыблемой рутинной, теперь же вызывало лишь глухое отвращение.

Ему вдруг до безумия захотелось сладкого молока «Ванцзай». Он не пробовал его с самого детства, но приторный карамельный вкус из дешёвой жестяной банки намертво врезался в память. Стоило о нём вспомнить, как рот наполнился слюной.

Повара в поместье Цинь творили кулинарные шедевры. По первому требованию они могли приготовить любой изысканный напиток из натуральных ингредиентов, без капли красителей, консервантов или дешёвых ароматизаторов.

Но держать в погребах копеечную суррогатную жестянку из супермаркета никому бы и в голову не пришло.

Разумеется, заикнись он об этом вслух, дядя Ин тут же рассыпался бы в извинениях от лица всей прислуги, и заветная баночка оказалась бы на столе максимум через пятнадцать минут.

А после этого сладкие молочные напитки всех сортов прочно обосновались бы в меню

поместья.

Только вот устраивать лишнюю суматоху не хотелось.

Дуань Цунчжи угрюмо посверлил стакан взглядом, а затем зажмурился и осушил его в несколько больших глотков.

Давал о себе знать вчерашний алкоголь — аппетита не было, и завтракал он дольше обычного. Стоило ему отставить пустой стакан, как Цинь Кэ аккуратно сложил бумаги и поднялся из-за стола. Дуань Цунчжи послушно последовал за ним.

Цинь Кэ размеренным шагом направился к выходу. Дуань Цунчжи безмолвной тенью шёл следом, глядя на его прямую, широкую спину, и перед глазами вновь поплыли образы прошлой ночи.

Его разгорячённое алкоголем лицо, пылающие щёки и блестящие, полные безумной надежды глаза. Он смотрел на Цинь Кэ с благоговейным трепетом и робким предвкушением. Для него это был первый раз, пальцы мелко дрожали, и он, смущённо прикусив губу, едва слышно позвал:

— Третий господин...

И какова же была реакция?

Во взгляде Цинь Кэ не дрогнул ни один мускул. Он смотрел на юношу так же холодно и бесстрастно, как на любого случайного прохожего. Когда натянутая улыбка окончательно сползла с лица Цунчжи, мужчина ровно произнёс:

— Цунчжи, тебе это не нужно.

Дуань Цунчжи горько усмехнулся про себя. Дело было вовсе не в том, нужно это ему или нет.

Просто сам Цинь Кэ в нём не нуждался.

Позже Дуань Цунчжи осознал истинный смысл тех слов: Цинь Кэ требовалась лишь послушная, преданная тень рядом. И в прошлой жизни он безропотно принял эти правила игры, продержавшись до самого рокового финала.

В мирное время он притворялся послушной безделушкой, а когда пахло жареным — послушно становился послушным клинком в чужих руках.

Эту роль он выучил назубок за два долгих года.

Они миновали просторный холл. Парадные двери были распахнуты настежь, у крыльца уже урчал мотором представительский седан, а вышколенный телохранитель держал открытой заднюю дверцу.

Вдруг Цинь Кэ резко остановился и обернулся. Дуань Цунчжи чуть не врезался в него и недоуменно моргнул. Что за причуды? Неужели в этой жизни его лишат даже права сопровождать босса?

— Иди переоденься.

Дуань Цунчжи проследил за его взглядом и опустил голову. Тёмно-синий струящийся шёлк, безупречный крой, баснословная цена... и, что самое важное, это пижама.

Он умудрился выпереться на улицу вслед за главой дома прямо в ночном облачении.

Обычно он успевал переодеться до завтрака, но сегодня из-за головной боли и позднего пробуждения начисто забыл о приличиях, спустившись в чём был.

Кончики его ушей мгновенно вспыхнули пунцовым цветом. Цунчжи за версту чуял малейшие перемены в настроении мужчины и сейчас мог поклясться: в уголках губ Цинь Кэ пряталась едва заметная усмешка.

«И что это значит?»

Сперва тот, должно быть, подумал, что парень просто вышел проводить его до порога, и промолчал. А поняв, что Цунчжи намерен сесть в машину, решил отправить его наверх.

Неужели он собирается его ждать?

В этом Дуань Цунчжи сомневался. Случись подобная заминка с кем-то другим, Цинь Кэ уехал бы не задумываясь. Впрочем, никто другой и близко не подпускался к его особе. В бытовых мелочах Третий господин позволял Цунчжи неслыханную вольность.

Когда-то наивный глупец принимал это за проявление скрытой нежности, бережно храня в душе каждую крупницу внимания. А теперь...

Цунчжи заставил своё лицо окаменеть. Скоро этот человек будет нежно баюкать в объятиях своего «белого лунного света», шепча ласковые слова. Стоит ли радоваться крохам, лениво брошенным с барского плеча?

Разумеется, даже эти крохи когда-то казались бесценным сокровищем. Но баловать и защищать — удел главного героя, а не безмолвного телохранителя. Ему такой роскоши не полагалось по статусу.

Если выражаться проще: зачем давать надежду, если не собираешься вести под венец? К чему эти двусмысленные жесты, заставляющие несчастное сердце биться чаще, привязывающие к себе мёртвой хваткой?

Дуань Цунчжи упрямо опустил уголки губ.

— Голова раскалывается. Я никуда не поеду.

Бросив эти слова, он резко развернулся и зашагал обратно к лестнице. В этот миг Дуань Цунчжи упрямо закусил губу. Он спиной чувствовал на себе тяжёлый, пронзительный взгляд Цинь Кэ, но заставил себя не оборачиваться. За две жизни это был первый раз, когда он позволил себе открыто выказать характер перед Третьим господином.

Цинь Кэ стоял слишком высоко. Никто не осмеливался перечить ему, а уж тем более — демонстративно пренебрегать его обществом на глазах у прислуги и охраны. Как он отреагирует на такую дерзость?

Дуань Цунчжи держал спину натянутой как струна. Он дошёл до лестничного пролёта, так ни разу и не обернувшись.

«Цинь Кэ ценил меня лишь за покладистость и полезность. Что ж, теперь я перестану быть удобным. Пусть забирает свои привилегии назад — так будет проще вырвать эти чувства с корнем».

Цинь Кэ молча провожал его взглядом. Лишь когда шёлковый подол пижамы скрылся за поворотом галереи второго этажа, он негромко бросил стоявшему рядом дворецкому:

— Вызови врача.

<http://bllate.org/book/18330/1765561>